

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

1.

У каждого из нас быва-
ют сумасшедшие минуты,
когда мы вдруг срываемся
с места: работа внезапно за-
стопорилась или радость
обернулась пошлостью, глу-
бина оказалась плоской, как
чайное блюдце, и начинае-
тся мятеж, лермонтовский
мятеж, ищущий бури. Когда
в Москве нечем было ды-
шать от жары, а в Молда-
вии обещали 40 градусов, я
вдруг, к ужасу друзей и
близких, мгновенно собра-
лась ехать в Измаил. По
мнению моих близких, я
действительно сошла с ума.

Измаил был мечтой мое-
го детства. Отсюда, из та-
инственного места, отбитого
Суворовым у Турции, тогда
же, в век Екатерины, груп-
па армян во главе с моим
прапрадедом «врачевате-
лем Макарием Шагинян-
цем», была приглашена в
отвоенанную русским ору-
жием Бессарабию, — стро-
ить на Днестре город Григо-
риополь в честь Григория
Потемкина. Армяне город
построили, — зараз: в честь
Потемкина и основополож-
ника своей веры, — Григо-
рия Просветителя.

Но что за лицо у Измаи-
ла, этой бывшей крепости,
когда-то сильнейшей или
одной из сильнейших в Ев-
ропе? Байрон посвятил ей
увлекательную строфу в
«Дон-Жуане», точно указав
местоположение на Дунае,
восточный характер зданий,
европейский характер самой
крепости. Суворов рапорто-
вал о ней Потемкину: «Не

было крепости крепче, не
было обороны отчаяннее
обороны Измаила, но Изма-
ил взят». Турки назвали это
грозное сооружение, создан-
ное по их приглашению
лучшими фортификаторами
Европы, — «Ишмасль», —
услышь Аллах! И, наконец,
Пушкин побывал в Измаи-
ле, когда каменные остат-
ки крепости после штурма
еще не были стерты с лица
земли. Незримым спутни-
ком Пушкина в его поездке
была тень опального Ови-
дия Назона. Незримым
спутником моей поездки
стала тень опального Пуш-
кина, очертившего в де-
сять дней могучий ромб
по земле тогдашней Бесса-
рабии. Он проехал в мол-
давской повозке, «каруце»:
Кишинев — Каушаны — Ак-
керман — Татар-Бунар —
Измаил; и оттуда: Измаи-
л — Кагул — Фалчи —
Леово — Кишинев. Наши
маршруты кое-где совпали;
мне удалось даже переоче-
голять его, — попасть в од-
но место, куда он страстно
хотел попасть, но не смог.
Правда, я ездила не в ка-
руце, а в машине, но вре-
мя, потраченное на обе
поездки, оказалось одинако-
вым.

В Пушкиниане киши-
невский период изучен, как
будто, до последней бук-
вы. Но если у вас есть свой
«предмет» на уме, и вы чи-
таете книги с особой, лично
вам нужной целью, то са-
мые читанные и перечитан-
ные, исследованные и пере-
исследованные вещи — ока-
зываются полны открытий,

Читатель не будет в обиде,
если я расскажу здесь об
этих «открытиях», — ле-
жавших напечатанными сто
с лишним лет, со дня опуб-
ликования Баргеновым
дневника И. П. Липранди,
— черным по белому, — пе-
ред каждым, кто хотел их
читать. Пушкин предстает в
них удивительно близким,
профессионально — рабочим
человеком пера, — пламен-
ным исследователем-очер-
кистом.

Липранди, военный исто-
рик и подполковник развед-
ки в Кишиневе, тогда (в
20-х годах прошлого века)
человек с еще незапятнан-
ной предательством репута-
цией и друг Пушкина, —
получил задание: обследо-
вать что-то, происшедшее в
31 и 32 егерских полках,
расквартированных в Ак-
кермане и Измаиле. Он дол-
жен был туда выехать в
ужасное время — конец
первой половины декабря
(14-го или 15-го), когда хле-
щут мокрые мятели, дуют
дикие ветры, колеса вязнут
в грязи, холод пронзает до
костей — служебная поезд-
ка. И самому ехать тошно,
а тут еще «Пушкин изъявил
желание мне сопутство-
вать...»¹, пишет Липранди.
Но милый старик Инзов, на-
местник Бессарабии, под на-
чалом которого жил в Ки-

¹ Здесь и всюду цитирую
И. П. Липранди «Из дневника
и воспоминаний» по книге
«Пушкин в воспоминаниях
современников». Гослитиздат.
1950, стр. 241—299. Подчер-
нуто всюду мною.

шиневе ссыльный поэт, «по
неизвестным причинам» не
пожелал отпускать Пушки-
на. Инзов любил своего по-
допечного и, должно быть,
в такую погоду, да в такое
время, когда собаку не вы-
гонишь за дверь, подвергать
Пушкина, болевшего полто-
ра года назад горячечной
лихорадкой, всем этим про-
студам и тряскам Инзов по-
просту не хотел. Примирил-
ся ли Пушкин? И не подум-
ал! Он «обратился» к
М. Ф. Орлову и «этот вы-
просил позволение». Орлов
не был начальством Инзо-
ва, он был только команди-
ром пехотной дивизии и чи-
ном пониже — тот генерал-
лейтенант, этот — генерал-
майор. Так и представля-
ешь себе, как Пушкин умо-
ляет Орлова, а Орлов «вы-
прашивает» ему позволе-
ние. Очень хотелось Пуш-
кину поехать. И они пое-
хали.

И. П. Липранди — рас-
сказчик сухой, эпитеты его
всюду очень скромные, вос-
кликательных знаков и мно-
готочий у него почти не сы-
щешь, — но под сухой и
отчасти казенной его про-
зой поведение Пушкина на-
поминает подземный вулкан
Сольфатару. Один твердо
ведет свою служебную ли-
нию, время у него строго
рассчитано, ему надо «вести
следствие»; другой рвется
увидеть, пережить, узнать,
побыть подольше, свернуть
в сторону. С первой оста-
новки, с Бендер, начинает-
ся этот характерный
«дуэт»:

«В Бендерах, так инте-
ресовавших Пушкина по

многим причинам, он хотел
остановиться, но был вечер,
и мне нельзя было потерять
несколько часов, а потому
и положили приехать в дру-
гой раз. Первая от Бендер
станция, Клушаны (сейчас
Каушаны. — М. Ш.), опять
взбудоражила Пушкина:
это бывшая до 1806 года
столица буджацких ханов.
Спутник мой никак не хотел
мне верить, что тут нет ни-
каких следов, все разнесе-
но, не то что в Бакчи-
Сарае; года через полтора...
он мог убедиться и сам в
том, что ему все говорили;
до того же времени оставал-
ся беспокойным». Едва вы-
ехали — и «взбудоражен»,
«хотел остановиться», «не
хотел верить», и пока сам
не убедился, целых полтора
года «оставался беспокой-
ным»!

Но вот они приехали
в Аккерман, прямо к обеду
у полкового командира Не-
пенина. Липранди любил,
по-видимому, вне служеб-
ных дел, засиживаться за
столом (он очень подробно
описывает обеды, завтраки
и ужины) — засиделся и у
Непенина, а вечером, когда
стемнело, — шел снег по-
полам с дождем, — никто
никуда не пошел. Зато ут-
ром, возвратясь с обследо-
вания, он Пушкина дома не
застал, Пушкин отправился
к коменданту аккерманско-
го замка; а когда и Липран-
ди двинулся к нему, Пуш-
кина там опять не оказа-
лось — поэт и комендант
пошли смотреть замок,
«сложенный из башен раз-
личных эпох...». Так и по-
велось в Аккермана, — Пуш-

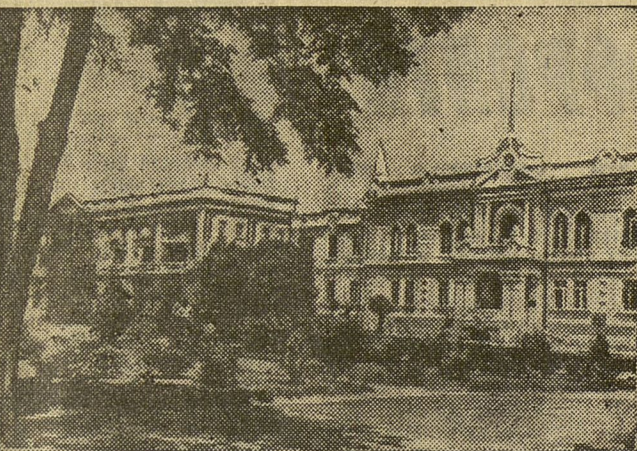
кин убежал от Липранди,
пользуясь каждой минутой,
чтоб узнавать, осматривать,
выспрашивать. И люди ему
нравились по главному при-
знаку, — когда они удов-
летворяли его «бесчислен-
ным вопросам», как это у
него было с помещиком
Тарданом.

Приехали в Татар-Бунар.
«Услышав из моих расспро-
сов о посаде Вилково... он
неотступно желал, чтобы за-
ехали туда, и даже несколь-
ко надулся...» — бесстра-
стно рассказывает Липранди:
«но я ему доказал, что те-
перь этого сделать никак
нельзя, что к послезавтре-
му два батальона стянутся
в Измаил для моего опроса,
а завертывая в Вилково,
мы потеряем более суток,
ибо в настоящее время го-
да и при темноте от Килии
до посада по дороге, или,
лучше сказать, по тропин-
ке, идущей по самым обры-
вам берега Дуная, ночью
ехать невозможно». И бед-
ный Пушкин «надулся»...

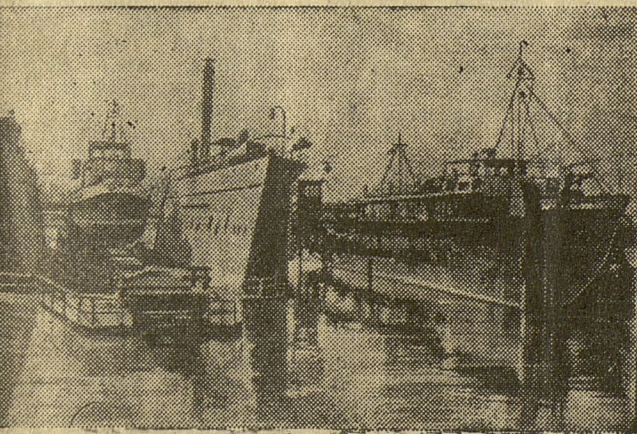
Рукой подать было до
Вилкова. Сердце сжимает-
ся, когда вспомнишь, как
мало пришлось пови-
дать Пушкину на белом све-
те, как ни разу не удалось
ему вырваться за границу и
воочию взглянуть на воспе-
тую им Италию, —

Где пел Торквато
величавый,
Где и теперь во мгле
ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы,

и даже эту крохотную полу-
денную Венецию, — посаде
Вилково, — не суждено бы-
ло ему увидеть...

Проспект Суворова, Здание горисполкома,

В доке судоремонтного завода,

Лит. газ. 1970, 9 сент. №37

Не в каруце, а в нашей запыленной «Волге», по дунайским плавням, густо заросшим камышом; мимо болот, где стаями спокойно сидели дикие утки — был сезон, запрещавший охоту на них, и птицы словно знали это, — ехали мы в Вилково по прекрасной дороге в сорокаградусный июльский зной. Вместо липкого, мокрого снега, ветров и холода мы были стиснуты благодатным жаром, исходящим от земли и неба. Жар вытапливал из нас все наши городские недуги, и невольно приходило на ум, что эти мудрые древние египтяне не зря говорили друг другу при встрече не «здравствуйте», не английский «хау-ду-ю-ду», а «хорошо ли вы потеете?».

Степная, протянутая, как полотно, равнина, такая скучная судя по энциклопедиям, была от самого Кишинева полна для нас неожиданных предестей. То возникала на горизонте одинокая ветряная мельница, распахнутая, как веер, свои неподвижные крылья, — словно оставленная тут, как музейный экспонат. То показывалась куча сдвинутых амфитеатром каких-то серых кругляков. Я ни разу не видела, как прячутся от раскаленного солнца в голый степи овечьи отары; овцы, кучи овец, защищаются от солнца друг другом; они тесно прижимаются боками, смыкают радиусами круг, низко, низко, почти до земли, опускают головы в одной центральной точке, — и так замирают, подобно древним каменным амфитеатрам, на все часы дня. И в приподкат к зною, как щепотка соли к еде, неслось в открытые окна машины

вкусное вяенье заскисшего хлеба, ароматного сена, сухой земли.

Надо сказать, что вся эта дорога дает ощущение физического счастья: понижаясь к могучему телу Дуная, земля постепенно увлажняется, идет медленное перерождение сухой и горячей степи в горячие и влажные плавни, проступают болота, надвигается царство камыша, и вы дышите вместе с землей наступлением влаги, — и вместе с нею, как бы на крыльях плавней, въезжаете, словно вливаясь, в Вилково. Оно, как Венеция, стоит на воде; улиц почти нет, — дома связаны каналами. По этим каналам, под бесчисленными мостками, плывут местные гондолы, — лодки с приподнятыми бортами, управляемые то семилетним мальчишкой, то дедом, то горсткой девчат. Здесь жили когда-то кержаки-староверы; жители Вилкова — большей частью потомки этой строгой, нравственными устоями и обычаями сцементированной веры. Как понравилась бы Пушкину старуха, повязанная расписным платком, — она держалась прямо, носила очки, была высока ростом. Увидя, что мы заинтересовались старой церковушкой, скрытой за лесами ремонта, она повела нас под лесами внутрь и показала иконы старинного письма, рассуждая о них интеллигентно и поучительно. Иконы были прекрасны, особенно одна — не то воскресение из мертвых, не то вознесение, вся в светлых ликующих тонах, в деталях с цветами ангелов, — ни дать, ни взять Фра Беато: краски на ней словно пели, и певучим был полет ангела

с белоснежными крыльями...

Отказав Пушкину в заезде в Вилково, Липранди привез его к десяти часам вечера в Измаил. Остановились они в доме у негцианта Славича.

2.

И для нас, когда мы въезжали в Измаил, наступал вечер, но не зимний, а летний. Багровый шар солнца летел с нами по горизонту, то прыгав, то выплывая из облака. Мы въехали в город совершенно незаметно, переговариваясь о чем-то другом, постороннем, и в середине беседы Измаил словно бесшумно подкрался к нам и вдруг обнял, — сладко обнял изумрудом зелени, тишиной и удивительным покоем. Нигде на земле и никогда во всей жизни не пережила я так внезапно и так глубоко того, что наш язык называет «покоем». Толкованье этого слова, как чего-то, связанного с концом и прекращением деятельности, с уходом из жизни, — отпаало. Покой оказался мне в Измаиле той настоящей человеческой жизнью, тем полным состоянием души, когда получение и отдача совершаются равномерно и глубоко, подобно дыханию, — он показался мне ритмом.

Мы ехали ярко-зелеными садами: прямыми, как стрелы, улицами; под золотым от зашедшего солнца небом; мимо белоснежных колонн собора, чудесно построенного Мельниковым. Перед нами дивным силуэтом мельнула на площади статуя Суворова на коне, — Суворов с поднятой треуголкой,

взмахнув ею, полуобернувшись, он смотрит назад, на тех, кто за ним, и конь его с крутым восточным носом, со вздыбленной шерстью, уперся ногами в землю, твердо уперся, всеми мускулами, — мы здесь и здесь останемся! Невольно вспомнился Петр у Фальконе и Пушкина:

...Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Здесь, в Измаиле, у суворовского коня копыта крепко опущены. Здесь что-то остановлено. Что? Не сразу пришел ответ. И только потом я поняла, что в силуэте коня, во взмахе суворовской треуголки удивительно верно схвачено это счастливое ощущение — конца войны, — победы и мира.

Сто семьдесят восемь лет назад здесь, по этой земле, ходили мои предки... Сто сорок девять лет назад здесь ходил Пушкин. Но почему нигде, ни на одном доме, нет памятной доски о нем? Слово и не было Пушкина в Измаиле! Мне без особой уверенности показали только старое, приземистое здание, наглухо забитое, где когда-то был винный погребок. — и Пушкин с офицерами заходил туда. **Может быть, заходил...** А в Измаиле такой хороший архив, такой интересный музей, такие деловые работники — и неужели не было среди них любителей-следопытов? В середине декабря будущего года жители Измаила могут праздновать полтора столетия со дня посещения Пушкиным их города. Материалов нет? Есть материалы!

Отказ заехать в Вилково явно не прошел для Пушки-

на даром. Он стал как-то смелее «гнуть свою линию» в Измаиле, решительно противопоставлять ее Липранди. Почти четыре дня, пока его спутник два-три часа работал «по службе», а остальное время засиживался за генеральскими обеденными столами, — Пушкин исчезал с его поля зрения. Он буквально убежал от него по утрам, он отказывался идти с ним обедать, он на ночь обкладывался бумагами, записывал, дирижировал в воздухе гусиным своим пером, как взмахом крыла в полете. Липранди рассказывает: на следующее по приезду утро «Я вышел по делам рано, оставив Пушкина еще спящим; часа через два возвратился: он был уже как свой в семействе Славича и отказался ехать со мной обедать к коменданту генерал-лейтенанту Сандерсу... я поехал один и возвратился уже в полночь. Пушкин еще не спал и сообщил мне, что он с Славичем обошел всю береговую часть крепости... Подробностей штурма ему были хорошо известны... В десять часов утра, когда я совсем был уже готов идти для исполнения служебного поручения, вошел ко мне лейтенант И. П. Гамалей; я свел его с Пушкиным, а сам отправился к соборным ротам; кончив, я возвратился, чтобы взять Пушкина и ехать обедать к начальнику карантина Жукову; но Пушкин и Гамалей опять ушли осматривать город и пр. В этот день я возвратился в полночь, застал Пушкина на диване с поджатыми ногами, окруженного множеством лоскутков бумаги».

Засмеявшись, Пушкин подобрал свои лоскут-

ки, спрятал их под подушку и рассказал Липранди, что «Гамалей возил его опять в крепость; потом на место, где зимует флотилия, в карантин; а после обеда хозяин возил их в кассино» (казино?). И, наконец, последний день в Измаиле: «Пушкин проснулся ранее меня. Открыв глаза, я увидел, что он сидел на вчерашнем месте, в том же положении, совершенно еще не одетый, и лоскутки бумаги около него. В этот момент он держал в руках перо, которым как бы бил такт, читая что-то; то понижал, то подымал голову». Пришли друзья с ними Пушкин опять сбежал и успел осмотреть «крепостную церковь, где есть надписи некоторым из убитых на штурме», — и чуть не опоздал к обеду. А этот последний обед был не простой. На этот раз основатель города (после падения крепости), генерал С. А. Тучков сам напросился к Славичу «на щи», так сильно (по Липранди «неотменно») пожелал он видеть Пушкина...

Какое обилие материала! Разве нельзя найти дом «негцианта Славича»? Место, где «зимует флотилия»? Карантин? Кассино? Крепостную церковь? Места, где все это находилось? И отметить в них присутствие Пушкина, его жадную любознательность, его любовь к истории, к познанию прошлого? Его профессиональное поведение, — страсть поэта-писателя-исследователя?

Предков своих я не нашла, — армянская церковь давно уже разрушена, старое армянское кладбище заброшено и заросло. Но

воздух и люди Измаила показались родными, — и даже в графике местной, городской истории было что-то родное, близкое моей душе... Чудные сады, уютно-прекрасные улицы, идеально-чистый порт, — все это сейчас скромный районный центр, каких у нас сотни в Союзе.

...От крепости «Измаил», одной из самых грозных в мире, не осталось и следа; на месте ее, на крутом берегу Дуная, разбит парк, — а внизу серебристый реинной пляж. В звездном небе темнели только строгие очертания мечети, — единственного здесь здания, оставшегося от двухсотлетнего прошлого крепости. Очень мягкое дуновение — речной, не морской ветерок, — плыло, едва касаясь наших лиц, с темной реки внизу. Шелест травы под ногами казался шелковым. Великая доброта медленно, словно наливаемая в душу из неистомного небесного бокала, — наполнила все. Мне было хорошо — неизвестно почему, хотя ноги набегались за день, пальцы устали от карандаша и блокнота, глаза покраснели от обилия увиденного, а сердце изнурилось в работе дня. И тут я как-то не разумом, а скорей этим поработавшим на славу сердцем, до конца поняла, — что остановлено тут в Измаиле, остановлено копытами буйного суворовского коня с его горбатым восточным носом. Здесь, на месте до корня срытой крепости, осталось жить это прежнее ощущение конца войны, победы и мира, — мир дышит в микроклимате зеленого речного порта, в городе, где не видно пьяных, нет раздраженных. Те

самые струны в человеке, на которых беспощадно бренчат суета и пошлость и которые зовутся в обиходе «нервами», — вдруг успокоились, словно и впрямь аллах услышал старую Ишмасль, даровав ей мир.

Таким был вечер нашего прощанья с местом исхода моих предков. А ведь я еще не досказала, каким стал последний вечер в Измаиле для Пушкина.

Старый генерал Тучков, как упомянуто выше, сам напросился на щи к Славичу, где квартировал Пушкин. И поэт, чуть не опоздавший даже к этому обеду, «был очарован умом и любезностью Сергея Алексеевича Тучкова», обещавшего показать ему кое-что интересное, если тот после обеда согласится к нему пойти. Пушкин, сумевший в этой поездке избежать многих генеральских пришествий, к Тучкову пошел. Он вернулся домой в этот последний вечер поздно и хмурый. Липранди пишет: «видно было, что он был как-то не в духе. После ужина, когда мы вошли к себе, я его спросил о причине его пасмурности...»

Ну, читатель, догадайтесь, что ответил Пушкин? «...он мне отвечал неудовлетворительно, заметив, что, если бы можно, то он остался бы здесь на месяц, чтобы просматреть все то, что ему показывал генерал: «У него все классики и выписки из них», — сказал мне Пушкин». И когда Липранди лег спать, Пушкин остался еще посидеть, «чтобы кое-что записать для памяти».

Стоит ли объяснять, почему я решила в глубине души переселиться в Измаил хотя бы на одну эту зиму?